Глава 277

Не то чтобы Хаджар не понимал позиции Шакха. Да, возможно она даже была прагматична и верна. В конце концов, караван действительно не сможет выдержать несколько десятков лишних ртов. Ртов, которые в ближайшее время не смогут выполнять никакой работы.

Самые крепкие из пленных выглядели так, что без слез не взглянешь. Особенно плохо пришлось, разумеется, женщинам. Тем что моложе и симпатичнее - хуже всех. Некоторые из них, обмотанные в какие-то тряпки, сидели на полу и качались из стороны в сторону, смотря в стену пустыми глазами.

Хаджар такое видел и не раз. Его подобное зрелище уже почти не задевало. Чего не скажешь о том же Шакхе, который старался не смотреть в сторону рабов. Он глядел на Эйнена - на татуировки на затылке островитянина. Именно туда смотрел кинжал в пасти его песчаного пса.

- Значит все дело в деньгах? - спросил Хаджар.

- Никто им не даст бесплатно ни воды, ни еды, - кивнул Шакх. - да мы и сами, чужестранник, охранники и работаем по найму. Мало кто захочет рисковать своей жизнью ради тех, кто им ничего не платит. Эти люди, пусть и пострадали, но пострадали сами. Я им вреда не причинял. На мне нет греха.

С такой позицией сложно было спорить. Действительно, Шакх имел полное право считать себя не ответственном за судьбу людей. Их миссией было разбить лагерь наемников. Они это сделали. Остальное - лишь детали, на которое обычный пустынник не обратил бы и внимания.

- Что ж, - вздохнул Хаджар. - раз дело в деньгах…

Он убрал меч с ключицы мальчишка. С лязгом он вернул его в ножны и повернулся к Ильмене.

- А мне уже начинало нравится, - хмыкнула девушка и отодвинула кинжал от ребер Хаджара.

В следующий миг исчез песчаный пес, а кинжал из его пасти переместился за пояс Шакху. Последним оружие спрятал Эйнен. Слишком уж недоверчив и осторожен был островитянин.

- Кто из вас может идти сам? - крикнул Хаджар в сторону недр “клети”.

Сперва никто не отозвался, а потом поднялась старая, но крепкая женщина. У неё был подбит правый глаз, а левая рука висела на перевязи, но выглядела она стойко. Черные, побитые сединой волосы, были собраны в тугую, длинную косу.

- Я, чужеземец, - голос у неё был такой же, как и сама она - стойкий и даже немного грозный.

- Внизу лежат трупы разбойников. Вы можете собрать с них все, что найдете. Может этого хватит, чтобы купить место в караване Рахаима. Он пройдет рядом в следующей несколько дней.

- Хаджар… - окликнула Ильмена. - ты не можешь так…

- Могу, - перебил Хаджар. - девяносто девять разбойников - ваша с Шакхом добыча, я на них не претендую. Примерно столько же - мои. По вашим же законам - я хозяин своей добычи и могу

распоряжаться ей как угодно. Вот я и распорядился.

В пещере повисла тишина. Слишком тяжелая, чтобы ей наслаждаться.

- Ты глуп, варвар.

Неожиданно, но фразу произнесли хором сразу трое. Шакх с Ильменой и… та самая рабыня, которая, несмотря на боль, пошла к выходу. За ней потянулись еще несколько мужчин и женщин. Пока они шли мимо, Хаджар смотрел куда угодно, но только не в их сторону.

- В Море Песков нельзя разбрасываться ресурсами, чужестранец, - с ноткой разочарования говорила Ильмена. - от этого может завесить твоя жизнь.

- Со своей жизнью, уж прости, я разберусь сам.

Ильмена выругалась и махнула рукой.

- Как знаешь, - ответила она. - встретимся у входа чере два часа. В отличии от тебя, я собираюсь забрать мне причитающееся.

Вспыхнули алые крылья-молнии, и воительница испарилась в красной вспышке. За ней, устало качая головой, последовал и Шакх. В Лидусе бы подобное называли мародерством, но здесь - в порядке вещей. Если победил в бою, значит все, что принадлежало побежденному - теперь твое.

Говорят, что раньше, в глубине веков, таким образом можно было отнять дом, жену, детей и так далее. Благо, что сейчас подобная традиции касается лишь личных вещей покойного либо того, что было при нем в момент смерти.

- Не могу сказать, что не восхищен твоим поступком, - прошептал Эйнен. - но от меня подобного не жди. На островах тоже не принято разбрасываться деньгами и ресурсами.

С этими словами островитянин, похлопав Хаджара по плечу, исчез в тенях. Он отправился следом за Ильменой и Шакхом - собирать добычу с покойных.

Много времени на это не уйдет. Все же у разбойников особо при себе имущества не водится. Два часа отводилось больше на похороны, нежели на мародерство. Все же традиция гласила, что за упокой тела павшего так же ответственен тот, кто остался на ногах.

- В Лидусе тоже, - в пустоту ответил Хаджар.

Отношение Хаджара к ресурсам на родине тоже никто и никогда не понимал. Разве что Догар, да будут благосклонны к нему предки. Хотя, пожалуй, будет верным сказать, что именно благодаря Догару Хаджар теперь мог так легко прощаться со всем, что иным казалось весьма ценным.

Хаджар повернулся к оставшемся в пещере рабам и пожелал им удачи на местный манер:

- Да осветят ваш путь Великие Звезды.

Развернувшись, он вышел из пещеры. Дальнейшая судьба рабов была в их руках. Ну и в руках тех, кто отправился собирать добычу. Единственное, что вновь шокировало Хаджара - оставленный у входа бурдюк с водой. Тот самый, за который Шакх пару минут назад был готов пролить кровь союзника.

Что ж, может юноша не так и прост, как показался на первый взгляд.

Учитывая, что всю свою добычу Хаджар “пожертвовал” на благотворительность, особо дел в разрушенном лагере у него не было. Оставалась только одна небольшая обязанность, которой он бы последовал и без всяких традиций.

Подойдя к одному из сломанных шатров, он забрал палки и ветки, которые служили опорами и “забором”. Взвалив их на плечи, он покинул ущелье.

Когда Хаджар складывал погребальный костер, солнце уже начало клониться к западу. Скоро наступит ночь - время даже более страшное и опасное, нежели день.

Ночью в Море Песка приходили порой ледяные холода, а помимо погоды - просыпались хищники. Те, что днем спали внутри песков и барханом, выходили ночью на охоту.

Повстречаться даже с некрупной стаей Песчаных Волков стадии Вожака - верная погибель для сильнейших практикующих. Не говоря уже о простых пассажирах каравана.

Закончив собирать небольшой “колодец”, Хаджар укрыл его ветками и накрыл их покрывалом. На простецкое ложе, он уложил тело Брома. На грудь павшему врагу, он положил щит и меч, дабы тот имел возможность встретить суд предков с оружием в руках. На глаза он насыпал песка - земли, в которой пал противник.

Пока Хаджар занимался ритуальными деталями, подул ветер. Он дул с северо-востока - родины Брома и Хаджара. Наверное, он хотел забрать душу человека, который сыграл не последнюю роль в становлении Хаджара тем, кем он являлся сейчас.

Ничто так не закаляет характер, как постоянная необходимость без страха смотреть в глаза человеку, который щелчком пальцев может лишить тебя жизни.

Внезапно ветер поднял горсть песка и Хаджар непроизвольно прикрыл лицо рукой. Пошатнувшись, он облокотился на щит мертвого Брома. Прозвучал неестественный скрип, и железная сердцевина щита слегка сдвинулась, обнажая небольшой лист несколько раз сложенного папируса.

Хаджар забрал находку и, развернув, слегка улыбнулся.

Ну конечно же!

Клятый Бром!

Не мог ведь он работать по-честному, старый, жадный засранец. На карте обозначалось где в окрестностях лагеря находился схрон главаря банды. Их “общак” по обычаю должен был отойти Хадару, который уже и займется распределением добычи. А вот личные вещи Брома принадлежали исключительно Хаджару.

- Я бы пожелал тебе милости предков, старина, - улыбнулся Хаджар трупу. - но, уж извиняй, сам там как-нибудь с ними разберешься.

Хаджар достал огниво и поднес его к покрывалу. Вскоре то занялось веселым, оранжевым пламенем. Затрещали бревна, закружились столпы черного дыма. Многие бы тут же отшатнулись, но за годы войны любой привыкнет к запаху горящей плоти и виду погребальных костров.

Постояв немного рядом - будто провожая душу умершего, Хаджар кинул горсть песка в дань памяти и пошел за “кладом”.

http://tl.rulate.ru/book/6918/217346